

Игорь Бухтин
Мемуары рождённого в СССР

Правда, правда и ничего, кроме правды

Игорь Бухтин

**Мемуары рождённого
в СССР. Правда, правда
и ничего, кроме правды**

«Издательские решения»

Бухтин И.

Мемуары рождённого в СССР. Правда, правда и ничего, кроме правды / И. Бухтин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509773-6

Книга посвящена друзьям, одноклассникам и одноклассникам, а также любимым женщинам: начиная с первой школьной любви и заканчивая той, с кем я повенчан судьбой последние 22 года.

ISBN 978-5-00-509773-6

© Бухтин И.
© Издательские решения

Содержание

С чего всё началось	6
Заметки о прожитых днях	11
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	23
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мемуары рождённого в СССР Правда, правда и ничего, кроме правды

Игорь Бухтин

© Игорь Бухтин, 2019

ISBN 978-5-0050-9773-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С чего всё началось

Родился ваш покорный слуга 10 марта 1963 года в уездном городе Пенза, в семье простых советских граждан Бухтина Бориса Александровича и Бухтиной (в девичестве – Бурлевой) Валентины Ивановны.

Мама была родом из Челябинска. Родители её жили в пригороде, в поселке Авиагородок 11а, а если по-простому в «Шанхае», так как основное население поселка составляли лица мусульманской национальности – татары и башкиры, имеющие многие раскосые глаза. В поселке было около восьмидесяти дворов. Поезд делал остановку один раз – утром, другой раз – вечером. Поезд был транзитный – Челябинск – Верхний Уфалей. На нем, в основном все и ездили. Или на работу, или в гости. Дед с бабушкой путешествовали или до Аргаяша, или до станции Челябинск-Главный, так как родня жила в самом Аргаяше, а также в плановом поселке, в Ленинском районе Челябинска. В плановке жил и мой прадед по бабушкиной линии, Ефим, бывший родом из Хакассии, что в Красноярском крае. В местах, где жил молодой ещё прадед, отбывал в то время ссылку вождь мирового пролетариата – Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Деревня Шушенское, место ссылки, отделялась от малой родины прадеда незначительно по сибирским меркам – каких-то 10—15 км.

Прадед в юности умотал также в Питер, выучился на помощника машиниста, чтобы после водить паровозы по всей Российской Империи. Он этим делом и занимался, пока не грянула революция 1917 года, после чего осел в захудалом в то время Челябинске.

Дед, по маминой линии, Иван Асеевич, родился в Исетской губернии, теперь в Курганской области, в деревне Воробьево, которую я так и не отыскал ни на какой-либо карте.

Бабушка, Евдокия Ефимовна, вышла замуж за Ивана Асеевича, который был её младше на 2 года. Осели они в «Шанхае». Дед построил дом из шлакоблока, завели хозяйство, с двумя огородами в 20 соток, у них родилось много детей. Однако большинство умерли в младенчестве, из-за голодных лет. До зрелости дожили только трое. В деревне было два брата, завидные женихи. Я имею в виду, Андрея, который утонул, и Василия. Первый был гармонист, второй мотоциклист. Автомобилей в деревне в то время не было. Андрей, однако, трагически утонул летом, плавая в реке Белой, в городе Салават, что в Башкирии. Несмотря на то, что он был отменный пловец, его засосал омут, воронка. Василий, младший их сын, отслужил на китайской границе, на озере Зайсан, в то время, когда был конфликт с Китаем на острове Даманском. После армии он жил с дедом и бабушкой в их доме. Он фанател от Высоцкого, завёл себе овчарку (армейская привычка), голубей. Любил мотоциклы. Вначале у него был «Ковровец»,

потом «Ява 350», на которых он рассекал по окрестностям. Дяде тоже не повезло в жизни. Когда не стало родителей, он познакомился с женщиной с двумя детьми и стал с ней жить в доме родителей. Про это узнал её бывший муж, еврей по фамилии Мельник. Когда дядя поехал знакомиться с её родителями в Камышин, что в Волгоградской области, этот самый Мельник приехал ночью в деревню и устроил поджог дома. По описаниям одного из сельчан, Кольки Финова, этот субъект пронёс канистру и облил сверху дом. Однако у Мельника были связи в милиции и ему всё сошло с рук. Дядя по возвращении хотел его наказать, но тот сгинул в неизвестном направлении. Дяде ничего не оставалось, как уехать жить с семьёй в Камышин. Там у них родились ещё трое детей. В начале нулевых годов уже нашего века до меня дошла информация, что дядя трагически погиб. Вроде как бы выпив изрядно, с кем-то повздорил, после чего в результате драки получил удар ножом и умер, не приходя в сознание.

Я по мере возможности и сил, если не находился летом в Пензе, помогал деду косить сено и перевозить его на телеге к дому. Запрягались вдвоём. Один тянул за оглобли, другой упирался сзади вилами в копну. Так и катили до дома. Зимой это сено шло на корм корове и бычку. Также из живности дед и бабка держали коз и курей. Сажали много картофеля, который возили на продажу на рынок. Продавали также молоко. На это и жили, так как пенсия была копеечная. Дед был инвалид, бабушка всю жизнь воспитывала детей. Потому и стажа у них почти не было. Дед был мастер на все руки. Делал ведра, валял валенки, шил тапки из войлока. Бабушка вязали коврики в виде кружков из различного цвета тряпиц. Потом дед вырыл колодец с такой чистой и вкусной водой, что к нам ходила за ней вся округа. Летом также ходили в окрестные леса собирать грибы и ягоды. Клещей в лесах ещё не было. На картошке не водился тогда и колорадский жук. Его потом завёз кто-то из Польши с семенами в СССР, после чего жук расселился по всему Союзу, став самым настоящим бичом сельских жителей. Клещи тоже перекинулись из тайги по всей России. Теперь в лес без репеллентов не сходишь.

Что касается отцовой линии, то корни Бориса Александровича пошли из села Чемодановка Пензенской губернии. После раскулачивания тридцатых годов XX века он со своими родными, родителями, сестрой Марией, перебрался в Пензу. Воевать он не успел по причине малолетства. А его сестра, моя тётя, Мария Александровна училась в Ленинграде на работница торговли, вышла замуж за Анатолия Даниловича Иванова. Потом грянула страшная война. Они пережили в городе на Неве начало блокады, в первую же зиму перебрались через Ладогу на «материк» и вернулись в Пензу. Вскоре у них родилась дочь Татьяна, а спустя девять лет вторая, Наталья.

Мария Александровна начала работать в торговле и карьера у неё складывалась удачно, она дослужилась до начальника отдела торговли города.

Старшая дочь тёти, Татьяна Анатольевна, выучилась на врача, уехала в Ленинград, вышла замуж за Дьякова Евгения. В Ленинграде она тоже сделала карьеру, уйдя на пенсии с должности главного врача поликлиники, или больницы. Её сын, Владимир, тоже выучился на врача, хирурга. Закончив образование, Володя женился на немке и уехал жить и работать в Германию, где судьба его трагически оборвалась несколько лет назад в страшном ДТП на автобане.

Наталья Анатольевна родилась в Пензе и всю жизнь прожила в ней.

Она вышла замуж за Филина Александра Константиновича, родила ему сына и дочь, была за ним, как за каменной стеной. Александр окончил пединститут, потом пошёл работать в милицию, дослужился до генерал-лейтенанта, должности начальника ГУВД, после чего проработал председателем областного суда, где Наталья под его началом заведовала канцелярией. К сожалению, жизненная нервозность измотала Александра, не выдержало сердце и он ушёл рано из жизни, в 60 с небольшим. Дети их живут и работают в Пензе. Сын их, Сергей, после свадьбы жил на улице Московской, 40, там, где и мне приходилось пожить в 1990—1991 годах. Дочь, Надежда, живет в квартире, где и ее мама, на Володарского, 63.

Мама моя отправилась в конце пятидесятых годов прошлого века на заработки в Пензу, где осела и познакомилась с моим отцом на дне рождения. По иронии или милости судьбы, день рождения у них случился в один день, только отец был старше на 11 лет. Мама устроилась на работу в спортивное общество «Урожай», где и работал, занимался спортом, мой отец Борис Александрович. Они познакомились и сыграли скромную свадьбу, после чего поселились в доме по улице Бакунина. В доме также жила свекровь мамы Матрёна, не помню по отчеству, бабушка Натальи и Татьяны, и моя, конечно тоже. Я родился в роддоме, неподалеку от их дома, на улице Пушкинской.

Однако семейное счастье длилось совсем недолго. Мне ещё не исполнилось и трёх лет, как отец ушёл трагически из жизни, покончив с собой 31 декабря 1965 года. Через два года, 28 января 1968 года, не стало и его матери, бабушки Матрёны. По той же иронии судьбы, в день, когда умерла бабушка Матрёна, спустя 13 лет умер мой дед, по маминой линии, Иван Асеевич. И опять же по иронии судьбы, 28 января – день рождения моей тёщи, Нины Николаевны Назаровой.

«Везёт» мне на праздники. Большинство родни ушли из жизни в эти дни. Папа – 31 декабря; мама – 8 марта; бабушка по маминой линии, Евдокия Ефимовна, 7 марта; прадед по маминой линии Ефим – 2 мая; вторая моя супруга (я был женат три раза), Вера Владимировна, тоже 8 марта.

Теперь, что касается, Натальи Анатольевны, племянницы отца, то она является мне не только двоюродной сестрой, но и крестной матерью. Имя мне нарекла она, когда принесли

крестить в церковь, что рядом с роддомом. Спустя много лет я побывал в той церкви, где мне нагадала цыганка, что у меня будет двое детей, и я проживу до 94-х лет. Первое предсказание исполнилось. Хочется верить, что и второе исполнится, так как прадед дожил до 101 года, почему же и мне нельзя?

Когда умерла бабушка Матрена, мама с помощью тёти Маруси, переселилась в новую квартиру на Ульяновскую улицу на окраине Пензы. Частный дом, где я провел свои первые годы жизни, снесли. Но прожили мы там очень недолго, после чего мама произвела обмен на Челябинск, к своим родителям. С той поры, с 1969 года. Я почти безвылазно и живу в Челябинске. Сначала в районе железнодорожного вокзала, на улице Овчинникова, 13, потом на Комсомольском проспекте, 87, потом на улице Барбюса, 71б, потом на улице Кирова, 2, потом на улице Братьев Кашириных, 114, потом на улице Отечественной, 15. Сейчас ваш покорный слуга проживает на улице Коммунаров, 3б, в квартире, принадлежащей моей жене, Елене.

Я, когда учился в школе, проводил летние каникулы в тёти, в Пензе. Общался со своими племянниками, Володей и Серёжей. С дядей Анатолием Даниловичем мы ездили на его Москвиче 412 на водоёмы рыбачить. Однажды мы с ним наловили на одном из прудов столько окуней, что заняли, когда мы их привезли, половину ванной.

Теперь расскажу о своей жизни до того момента, что я описал ранее, во второй части повествования, сочиненной ещё в 1992—1993 годах.

Прибыв в Челябинск, мы поселились на улице Овчинникова, 13. Школа №15 располагалась через дом и в ней я проучился в начальной школе, с 1 по 3 класс. Жили мы хорошо, учился неплохо. Однако нам вечно не везло с соседями, и мы переселились на Комсомольский проспект, 87. С нового адреса мы могли ходить даже пешком в деревню к дедушке с бабушкой. Дорога занимала не более часа, на пассажирском транспорте добираться приходилось дольше, так как нужно было ехать вокруг по причине отсутствия нормальной асфальтированной дороги в то время напрямую. В 4 класс меня мама записала школу №12, тогда её только открыли, да и дом, где мы стали жить находился у самого поля, то есть на окраине города. Учился я также прилежно все годы. Мне приходилось почему-то всё время сидеть за первыми партами, как школе №15, так и в школе №12, так и в последствии и в школе №16, где я познакомился с моим лучшим другом, Анатолием Владимировичем Лупиным. В школе №12 я сидел за первой партией в среднем ряду. Со мной сидел за партией самый тупой ученик не только класса, но и, наверно, школы. Это я имею в виду, Лукин Сергей. Он вечно ёрзал, ничего не соображал по жизни, что привело к его инвалидности по части дебилизма. Это ещё одна ирония, так как его мама была врач на скорой помощи, брат его тоже был врачом. В нашем классе были ещё другие кадры. Недалёк умом был также Саша Новосёлов, тоже ставший инвалидом по той же части. Был также обрусевший кореец Саша Ли, кроме колов и двоек ничего не имевший в дневнике.

Так я и учился пять лет, после чего началась история моей первой любви, описанной ранее, а теперь помещенной после вышеописанного или вышеупомянутого времени. Забыл сказать, что после восьмого класса я первый раз побывал в городе на Неве. Мы туда ездили в белые ночи с классом и частью родителей, нас сопровождавшими. Была в той поездке и моя мама. Мама ночевала у Татьяны Анатольевны, а наш класс с классным руководителем и некоторыми родителями в школе, где-то в районе Охты. Мы ездили на экскурсии в Пушкин, Павловск, Петродворец с его фонтанами. Побывали мимоходом во многих музеях Ленинграда, в Эрмитаже, Кунсткамере, в казематах Петропавловской крепости, в Казанском Соборе, Русском музее. Гуляли по Невскому проспекту, Мойке, через Аничков мост. Мы осмотрели шпиль Адмиралтейства, памятник Петру на вздыбленном коне. Ездили на теплоходе до Ладожского озера по Неве. В общем, я влюбился в город на Неве. Более подробно я расскажу о той поездке в основной части повествования.

Заметки о прожитых днях

Часть первая

Глава 1

События, описанные в этом повествовании, начинаются в первый учебный день 1978 года в школе №12 города Челябинска. В этот день я, как и мои товарищи, отправился в школу в первый раз в девятый класс и причислился к отряду старшеклассников.

Линия жизни любого из нас в этом возрасте вполне могла совпасть с той, которую я пережил в ту пору юности. В этот период почти всех нас посещает первая любовь, которая часто потом приходит в воспоминаниях о тех ушедших днях жизни любого из миллионов, достигших ко времени написания этого произведения отметки в тридцать лет.

Я вошёл в математический класс в бодром настроении духа, оглядел присутствующих легким взглядом и сел за свою «привычную» первую парту в среднем ряду.

До начала урока оставалось минут десять и я обернулся, решив посмотреть, много ли новеньких. Моего многолетнего соседа по первой парте, Лукина Сергея, больше со мной не было, так как он учился плохо и после восьмого класса Сергей ушёл на обувную фабрику подмастерьем. В девятом классе мы ездили на обувную фабрику на практику по труду. Как я и ожидал, наш класс наполовину обновился. Если в восьмом классе существовал паритет между женским и мужским полом, то в девятом прекрасная половина превзошла мужскую почти в два раза.

Рядом со мной расположилась некая Ирина, недавно прибывшая в наш город. Отец у неё был, кажется, военным. Поэтому при переводе в Челябинск они получили квартиру в одном из домов микрорайона, принадлежащему, судя по всему, военному ведомству.

Приглядевшись повнимательней, я составил об Ирине следующую картину. Рост у неё был чуть выше среднего. Лицо имело правильную форму, нос украшали редкие веснушки, глаза скрывались за очками, которые ничуть не портили внешность девушки, а как бы дополняли даже её облик, цвет глаз напоминал безоблачное небо; наконец, голову укрывал локон прекрасных русых волос, заплетенных в одну косичку.

Пока я проводил беглый внешний осмотр и набрасывал в памяти портрет Ирины, зазвонел звонок и в класс вошла учительница химии Валентина Алексеевна Ивлева. Она представилась нам, как наш новый классный руководитель. Бывшая «классная дама» вышла на пенсию и так, как она была к тому же учителем алгебры, то следует познакомить читателя еще с одним действующим, правда эпизодически, лицом сюжета.

Валентина Алексеевна была нам знакома с предыдущего учебного года. Представьте себе невысокую женщину нормального телосложения с солнечного цвета волосами, с почти постоянной улыбкой на лице и жизнерадостностью во взгляде своих серых глаз. На вид ей можно было дать не больше тридцати пяти. Она поздоровалась с нами и пригласила войти в класс нашу новую учительницу алгебры Ларису Витальевну, которая совсем недавно окончила педагогический институт и попала к нам по распределению и еще каким-то связям.

Лариса Витальевна была стройной белокурой девушкой симпатичной наружности, при этом обладающая привлекательным голосом. Она обращалась по именам, в отличие от тех учителей, с которыми мы сталкивались до этого, и называвших нас, школьников, исключительно по фамилиям. Рост Ларисы Витальевны был под метр восемьдесят, но телосложение ее казалось настолько хрупким, что этот факт вызывал желание искренней жалости. И многие ребята нашего класса мечтали быть постарше для того, чтобы составить ей компанию и провожать Ларису Витальевну со школы домой и из дома в школу.

Пока я размышлял об этом, наша учительница алгебры начала переключку класса. Когда она дошла до моей фамилии, я встал, поклонился, сказал галантно: «Здесь!» – и сел обратно на своё место. Лариса Витальевна меня поправила и сказала, что не надо говорить «Здесь!», что класс не деревня и нужно отвечать «Я!», на что весь класс взорвался взрывом смеха, а ваш покорный слуга моментально кивнул и покраснел до мочек ушей, судя по тому, как они «горели». Из переключки я выяснил, что у моей соседки Ирины фамилия Сосина. Так состоялось моё знакомство с девушкой, которая встряхнула мою дальнейшую жизнь, текшую до девятого класса довольно монотонно и однообразно, как ручей по ровной слегка наклоненной местности. Но обо всём этом немного позднее, дабы не нарушать ход последующих событий повествования.

Глава 2

С первых уроков в девятом классе я стал изредка наблюдать за тем, как ведет себя на уроках Ирина. Она была, на первый взгляд, полной противоположностью для меня. Однако говорят, что противоположности сближаются. Если я мог отвечать на вопрос или с большими словоизлияниями, или вообще мог запутаться в ответе, то о соседке это было невозможно сказать. Она разожгла во мне интерес тем, что отвечала всегда лаконично, четко и точно, охватывая при этом весь вопрос и не говоря ничего лишнего. Учителя это очень ценили и, естественно, она получала сплошные отличные оценки по всем предметам. Со временем я узнал, что Ирина Сосина закончила школу на сплошные «пятёрки» и получила единственная из нашего класса золотую медаль.

Лаконичность мысли в ней меня сильно поражала и я не переставал удивляться её поведению на всех предметах школьной программы обучения.

Время поездок на обувную фабрику, которое наш класс занимался работой на одной из технологических линий пол изготовления туфель, мне запомнилось на всю жизнь. Соседка моя практиковалась на участке ОТК, а я, в свою очередь, в самом начале поточной линии. Моя задача состояла в следующем. Я вкладывал стельки в обувь, предварительно смазывая их клеем. Иногда мне удавалось перекинуться несколькими фразами с Ириной, правда, в основном в фабричной столовой, да и то на тему производства. Однако эти фразы ничего не значили и я с одинаковым успехом говорил на ту же тематику и с моим другом, который ранее сидел со мной за партой на протяжении пяти лет, а теперь работал на фабрике в качестве ученика.

Наибольший интерес у меня, несомненно, вызывали занятия в школе и те моменты, когда я мог послушать голос моей соседки, отвечающей на очередной вопрос. Больше всего полюбили мне уроки литературы, когда мы проходили стихотворения Пушкина и Лермонтова. И вот под влиянием этих двух великих гениев России я тоже стал писать стихи, но об этом расскажу в последующих главах этого произведения.

Я узнал, что такое любовь, с первых дней пребывания в девятом классе. Всё началось с того, что в одно прекрасное утро Анатолий Антонов, этакий крепыш, привёл под руку в школу Марину Юртаеву, симпатичную тёмноволосую девушку, и после этого не проходило дня без того, чтобы они не проводили совместно свободное время. Со стороны было заметно, как горели глаза у Анатолия и Марины во время разговора между ними, в течение которого улыбки не сходили с лиц обоих действующих персонажей из вечной песни любви.

На переменах они сидели где-нибудь на подоконнике и говорили, забыв обо всём на свете, до начала следующего урока. Но я в те дни ещё не мог представить, что это за чувства, которые охватывают человека в пору первой любви. И тем более я не знал, о чём бы стал говорить с той же Ириной, если бы во мне вдруг вспыхнула любовь.

Моя соседка на переменах проводила время или за учебником, или со своей «вечной» подружкой Мариной Суторминой. Другое времяпрепровождение Сосиной Ирины на переменах представить было чрезвычайно трудно. Я лично так не смог себя вести по причине моей неусидчивости и отсутствию товарища, с кем мог коротать время на переменах; к тому же ваш покорный слуга был очень в то время застенчив. Последнее обстоятельство доходило порой до смущенного румянца на моих щеках, горевших, как уголь в доменной печи.

В течение учебного года мы раз в неделю посещали кинотеатр «Победа». Наш класс отправлялся в кино на просмотр документально фильма о Великой Отечественной войне, снятого совместно советскими и американскими режиссёрами. Главную роль ведущего в этом фильме, состоящем из 20 серий, играл известный американский актёр Берт Ланкастер. Правда, я ходил в кино исключительно ради Ирины, потому что она любила толковать на тему фильма со своей неизменной подругой по окончании очередной серии при выходе из зала. Я же неза-

метно пристраивался следом и слушал голос её с таким наслаждением, которое не испытывал ни разу до девятого класса. Ничего серьёзного, однако, у меня в ту пору и в мыслях не было. Правда, когда они обе вдруг оборачивались на меня, я тут же прятался куда-нибудь, исчезая за чью-нибудь широкую спину. Ирина с Мариной неизменно при этом начинали смеяться, вгоняя меня в краску.

Вот так незаметно пролетали дни мои в девятом классе и подошли осенние каникулы.

Глава 3

Однажды, в конце октября, Лена Яськова пришла в школу очень возбужденная и выпалила:

– Леди и джентльмены! Приглашаю всех вас на мой день рождения, четвертого ноября, ко мне домой.

Подобное событие случилось впервые, когда весь класс приглашался к кому-нибудь домой. Правда, изъявили желание пойти человек десять. Я тоже состоял в том числе, так как интересная намечалась программа. Однако к моему глубокому огорчению, Ирина не пошла на этот день рождения. Поэтому вечеринка для меня уже не имела того значения, как в том случае, если бы на ней присутствовала Ира. Отказаться от вечеринки я, конечно, уже не мог, коли дал слово придти на неё.

Лена Яськова жила через два дома от школы в двухкомнатной квартире на четвёртом этаже. Когда мы пришли к ней в гости, то выяснилось, что почти все принесли с собой букет цветов. Исключение составили Анатолий со своей Мариной. Они принесли один, но большой букет то ли тюльпанов, то ли гвоздик. Но это не суть важно, так как не играет особой роли в моём повествовании.

Стол у Лены был накрыт шикарный, на нём стола и красная рыба, и балычок, и икорка. Не обошлось и без двух бутылок «Советского Шампанского». В общем, как в любой средней советской семье в те, так называемые сейчас, времена застоя. Шампанское многие из нас тогда опробовали впервые и признали его очень приятным на вкус.

По окончании застолья мы отодвинули стол в сторону, вынесли лишние стулья в коридор и приготовили этим всё в площадку для танцев. Лена включила радиолу и полилась прекрасная чарующая музыка. Закружились две пары, остальные сидели, не решаясь пригласить друг друга. У меня причина была веская, на мой взгляд; я к тому времени не знал даже, как танцевать, а уж тем более приглашать кого-то на танец.

Спустя некоторое время Лена, увидев мой скучающий вид, подседа ко мне и вдруг спросила:

– Слушай, Игорь, что ты сидишь, скучаешь и ни с кем не танцуешь?

– Лена, да я не смогу пригласить никого на танец, ввиду того, что я не умею танцевать. Вот если бы кто-то научил бы меня, как приглашать на танец и тем более танцевать, тогда другое дело.

– Ничего нет проще. Хочешь, я научу?

– А это сложно?

– Я же говорю: нет ничего проще.

– Ну, коли так!

С этими словами ваш покорный слуга поднялся, вслед встала Лена и начала меня обучать первым урокам современного медленного танца. Я научился так быстро, что вскоре у меня неплохо получалось, хотя всё же нет-нет да наступал партнёрше на ноги.

Танец был такой чудесный, что мне казалось, будто со мной кружит вальс не Лена, а Ира Сосина. И с этого вечера я часто в думах уносился к Ирине.

Вечеринка продолжалась довольно долго и закончилась около полуночи. Ваш друг был так счастлив, как никогда до этого дня. И всё это благодаря тому волшебному танцу, который разбудил во мне что-то новое, неведомое доселе для меня. Домой я летел, как на крыльях, и в сердце моём горели самые страстные мечты и желания, что даже долго не спалось. Всё это вспоминается мне даже спустя столько лет после той самой вечеринки у Лены Ясковой.

Глава 4

Несмотря на те чувства, которые стали меня посещать после памятного вечера, я никак не мог заговорить с соседкой по парте. Мне всё казалось, что стоит мне начать разговор, как запылают предательски щёки и весь класс поймёт то, что я хотел произнести лишь одной ей, даме моего сердца.

На это период времени относятся и первые мои пробы пера, которые были настолько наивны, насколько и глупы, на мой взгляд. Я даже часто уничтожал эти первые свои произведения литературного жанра. Порой я писал стихи прямо на уроке, за что мне крепко порой попадало от преподавателей. После вызова к доске, происходившего в моменты наибольшего творческого подъёма, я обычно переспрашивал вопрос и выкручивался, как только мог, благодаря искусству красноречия. Учителя, видя всплеск моих словесных зарисовок, обычно делали строгое замечание и отпускали обратно за парту с требованием прекратить посторонние занятия под угрозой приглашения в школу моей матери. Исключение составляла лишь Лариса Витальевна, понимавшая мою переполненную чувствами душу. Она всё же недавно сама была источником первой любви для такого же юноши, как и я. Однако эти требования меня несколько не донимали и спустя некоторое время можно было видеть, как моя рука пишет на бумаге в тетрадке какие-то новые строчки моих очередных стихов.

Придумывая какую-нибудь рифму, я поглядывал на Ирину. В голове моей возникали такие картины счастья, о которых уже много написано, но всё это кажется каждый раз таким новым, неизведанным, словно этого ещё нигде и никогда не было. Я даже боялся, что такое никогда не сбудется со мной. Всё же ваш покорный слуга жил, надеялся и верил в самые светлые чувства, какие существовали и существуют по сей день на нашей грешной земле.

В таких сомнениях протекала моя жизнь в девятом классе до наступления весны. И вот в один из первых дней марта мне пришла в голову мыслишка: «А что, не записывать ли мне мои стихи в тетрадь? Была – не была, со временем интересно будет перелистать пожелтевшие строчки давно минувших дней юности».

Как сейчас помню, прихожу к себе домой, беру черновик и сочиняю очередной стих, который стал первым моим сохранившимся по сей день произведением:

Жила-была девчонка,
Красивая была,
Одна на целом свете
Любимую была.
У ней косички были,
Носила она очки,
Но всё её богатство —
Весёлые зрачки.
Училась она на «пятёрки»,
Ходила в кино она
И звали её Ирина...
Красивое имя? Да!

Под этим стихом я проставил аккуратно дату написания данного сочинения (6 марта 1979 года) и с той поры все мои последующие произведения не менее аккуратно записывались в общую тетрадь.

К моменту, когда я пишу эти строки, у меня уже исписано добрых две с половиной общих тетрадей.

Иногда мне хочется перечитать свои стихи, но в последний момент я откладываю это занятие в сторону, чтобы не вскрывать былую душевную рану и не делать самому себе больно.

Глава 5

В ту весну я ещё не мог представить себе, что вскоре мы расстанемся на довольно долгое время. Если бы мне тогда сказали, что летом, через каких-нибудь три-четыре месяца, мой путь будет лежать в другие края, я бы не знаю, куда послал бы такого прорицателя.

Но, к своему счастью или несчастью, мне суждено было оставаться в неведении относительно моего недалёкого будущего.

В нашем классе всё оставалось по-прежнему. Уроки шли своей чередой, рождались новые пары одноклассников, горевших любовью друг к другу. Моя же первая любовь так и оставалась односторонней, без взаимности. Я всё думал, как мне сделать какое-нибудь признание, но из всего этого ничего не выходило. Ира нисколько не догадывалась о моих чувствах к ней.

В апреле я сочинил ещё три стихотворения в течение трёх дней. Как раз в этот период времени Ира простудилась и не приходила в школу две недели. Я себе места не находил и был в состоянии, близком к отчаянию. Однако это тщательно скрывалось мной от моих одноклассников.

В одном из стихотворений я задавал мысленно такие вопросы, что Ира при всём желании не смогла на них ответить:

Ира, Ира, почему
В школу ты не ходишь?
Без тебя я ведь умру,
Что со мною будет.
Ира, Ира, почему
Ты не ходишь в школу?
Без тебя я не смогу
В эту, эту пору.

Стихи мои первые кажутся спустя столько лет такими наивными, хотя в то время они были для меня самым совершенством. Может быть, из-за того, что я был юным и встретил свою первую любовь. А при тех моих чувствах всякие мелочи в стихосложении меня нисколько не тревожили. У меня в душе было лишь одно: скорей бы поправилась Ира и пришла в наш класс.

Домашнего адреса я её не знал. Спросить у её подруги не решился, так как боялся лишних насмешек со стороны товарищей по классу. А, может быть, и зря?

Перед праздником Сосина Ира появилась в классе. И моя душа сразу успокоилась. Однажды я сделал первую робкую попытку подложить ей в тетрадь свой последний стих, пока она выходила на перемене из класса. Прочитав моё послание, правда, оно не было подписано, Ира слегка покраснела и долго делала вид, что ничего не произошло. На самом деле, руки у неё легонько подрагивали в волнении в течение всего урока. Так как урок был последним в этот канун праздника Первомая, то я сделал отчаянную попытку проводить её домой. Выйдя из школы, ваш покорный слуга остановился на крыльце и стал ждать минуты, когда появится она и пойдёт домой своим обычным маршрутом. Но Ира вышла со своей подружкой, Мариной Шведовой, и они пошли вдвоём, оживлённо и весело болтая. Жили они, как я позднее выяснил, в одном доме в соседних подъездах. Проследив за ними, ваш друг узнал, что Ира пошла в гости к Марине. Тогда я отправился восвояси в направлении своего дома в полном неведении в отношении своей соседки по парте.

Глава 6

После праздников моя соседка пришла в класс какой-то озабоченной. Как я понял, её глубоко тронули либо мои стихи, либо то, о чём мне трудно было догадаться. Заняв привычное своё место рядом со мной, Ира в рассеянности достала тетрадь, учебник и глубоко задумалась. Интересно, какие мысли тогда крутились в её чудной головке?

Правда, когда начался урок, Ира успокоилась и вела себя так, словно ничего и не произошло. Тем более, Валентина Алексеевна (а это, как вы поняли, был урок химии) своей жизнерадостностью рассеяла грустные нотки не только у моей соседки, но и у меня тоже.

Я даже получил «пятёрку», когда вышел к доске и решил несколько уравнений реакции. Иру на уроке не спрашивали и я облегчённо вздохнул, так как боялся, что у неё всё могло вылететь из головы.

На последующих уроках Ира мало-помалу успокоилась и стала вновь такой оживлённой в беседе с Мариной. Мне стало казаться, что она разгадала автора посвящённого ей стихотворения и умышленно избегала встреч со мной в свободные часы. Мало того, даже её взгляд был направлен куда угодно, только не в мою сторону.

В последнее время тучи стали сгущаться над моей головой. Часто соседи, живущие над нами, забывали закрывать кран на кухне и, так как у них часто засорялась раковина по их бесхозяйственности, то через некоторое время на нас капала с потолка вода капля за каплей.

Обращения в ЖЭК ничего не давали, а потолок приходилось белить почти каждые полгода. Это обстоятельство так волновало мою маму, а жили мы вдвоём, что она стала искать обмен квартир. Нам совсем не хотелось покидать этот микрорайон, от которого до леса было рукой подать (за лесом жили мои дед и бабушка, про которых я упоминал в самом начале воспоминаний), но делать было нечего.

Второй причины, по которой я не хотел уезжать, мама так и не узнала. И только двенадцать с половиной лет спустя мне посчастливилось приехать в тот микрорайон и обойти своих одноклассников, которые ещё не разъехались по другим регионам. Многие к тому времени обзавелись семьями, детвора моих товарищей по классу пошла в ту самую школу, где учились и их родители. Этого нельзя сказать обо мне.

Незаметно подошло лето. Событий, сближающих меня с Сосиной Ириной, не произошло. Отчасти из-за отсутствия смелости, отчасти из-за того момента, что Ира пересела от меня к своей подруге. Теперь мне компанию составила Люда Дружко, но с ней у меня не было никакого интереса разговаривать. Стоило мне поглядеть в сторону Ирины, как я получал замечания от учителей: «Не вертись! Сядь, как следует!» Делать было нечего, и я втихомолку грустил над своей неудачей.

И вот, в начале июня наш класс всем составом пошёл в парк культуры и отдыха развлекаться, сбросить груз знаний, которые давили на наши плечи на протяжении девяти месяцев. Тогда я не знал, что это будет последняя перед разлукой моя встреча с Ириной, и мы не увидимся с ней ещё долгих двенадцать лет. Как я мог об этом догадаться, когда все так весело шутили, играли в волейбол, в бадминтон и в другие, полезные для здоровья на хвойном воздухе, игры.

После этих игр мы все вместе пошли на аттракционы. Кто-то пошёл на «Чёртовое колесо», кто-то – на карусель. Потом наш класс отправился в кафе-мороженое на улице Сони Кривой. Мы купили по два мороженого, по две чашечки кофе и по пирожку.

Так непринуждённо прошёл этот июньский день. В следующие дни наш класс буквально разъехался по Союзу. Кто-то уехал в Крым или в Сочи, кто-то – в Прибалтику; одни укатили на Украину, другие – в Среднюю Азию.

Ваш покорный слуга отправился в Вологду совершить плавание на теплоходе «Артём Коровин» по Волго-Балтийскому каналу. Это была моя первая и, к сожалению, последняя поездка на теплоходе. Я в то лето посетил старинные русские города Северного края. На обратном пути мы с мамой взглянули на белокаменную Москву, а также заскочили на мою родину – Пензу. Так пролетел целый месяц. Прибыв в середине июля в Челябинск, я узнал сногсшибательную новость. Оказывается, Ира уехала в пионерский лагерь вожатой, а так как и родители её отсутствовали в отпуске, то я не смог тогда найти Ирину. Об отъезде моей одноклассницы в лагерь мне сообщили соседи Иры по квартире.

А ещё через две недели последовал очередной удар, от которого я долго не мог оправиться. Новый «потоп» с верхнего этажа добил терпение моей матери, и она срочно нашла обмен, в результате которого мы с мамой переехали в Ленинский район. Оттуда не могло быть и речи ездить учиться в двенадцатую школу, так как эта поездка заняла бы не меньше полутора часов, а, тем более, учиться предстояло в первую смену.

Но ещё долго после происшедших событий того лета по ночам снилась Ира. Сны были такими, словно были и не сны, а настоящая явь. Оставшиеся дни августа я иногда посвящал поездкам в мой, милый сердцу, микрорайон на окраине Северо-Западного массива. Последний рейс в том направлении был 27 августа 1979 года. Ира по-прежнему находилась в одном из пионерлагерей в Каштаке. Об этом мне сообщили родители моей бывшей одноклассницы.

После этого начались школьные будни десятого класса в новой для меня школе №16, что находится в районе кинотеатра «Аврора». Учёба втянула меня в себя целиком и постепенно все мои переживания испарились, пробиваясь иногда в стихотворных строчках, посвящённых первой любви.

Глава 7

В десятом классе мне вновь «повезло» с партой. Я оказался на первой парте, правда, на сей раз около двери. Со мной очутился за партой блондин Лупин Толик. Учился, как я потом узнал, до седьмого класса на «четвёрки» и «пятёрки», а дальше учёба пошла у Толика по наклонной линии.

В десятом классе в дневнике у него стояли «тройки», на большее он редко рассчитывал. Может, тому виной был возраст, в котором мы в то время пребывали, когда учёба почти не шла в голову. Её вытесняли то любовь, то музыка, то ещё что-нибудь. Во всяком случае, я в это время занялся с увлечением статистикой по футболу и хоккею. Толик же в тот период жизни любил любовные похождения. Правда, спортивные таблицы он тоже составлял, но только постольку поскольку.

Чаще интересы Толика, как я сказал, занимали женщины, к чему он меня тоже пытался склонить. Однако я всё же решил завершить успешно учёбу, чтобы «не размениваться по мелочам». Даже вышел в первом полугодии в разряд примеров, чему способствовали учителя шестнадцатой школы.

Учебная «лихорадка» длилась до весны, потом и я «слетел с тормозов», оправдывая свой гороскоп. По гороскопу мне достался год Кота и к тому же ваш покорный слуга родился в марте, а этот факт что-то да значил.

Весной я даже пострадал от мимолётного знакомства. Как-то судьба меня свела с девушкой по имени Татьяна. Дошло до того, что я назначил ей свидание на остановке «Кинотеатр Аврора». Ваш покорный слуга пришёл заблаговременно. Свидание предстояло в семь часов. Но меня она здорово провела. Я прождал с половины седьмого до девяти. Потом, как следует наплевавшись, ваш автор отправился восвояси домой. Пройдя, таким образом, до первого двора, я наткнулся на двух спортивного сложения парней.

Двор был слабо освещён в тот момент, когда они предстали передо мной. Это обстоятельство оказалось столь неожиданным для меня, что я окаменел на месте. Этого оказалось достаточно для парней. Под банальный предлог «Нет ли закурить?» они нанесли мне серию ударов. Мои ноги подкосились, я оказался в снегу, который ещё не стаял. На календаре числилось 6 марта 1980 года. За год до этого дня я написал первые стихи и вот каким нелепым образом обернулась мне годовщина творчества.

После оказалось, что эти парни были друзьями Татьяны и у меня пропала всякая охота ухаживать за ней. Придя домой, я узрел такие синяки, какие даже на телеэкране не видел. Естественно, огорчение моё не знало границ.

После этого случая, несмотря ни на какие уверения Татьяны, ваш покорный слуга выбросил её из головы.

Незаметно пришла пора выпускных экзаменов. Я, приходя домой после экзамена, тот час же начинал готовиться к следующему. А на экзаменах после подготовки ответов на вопросы ухитрялся набросать строчки стихов, возникавших порой в моей голове.

По истечении школьных экзаменов был устроен выпускной вечер.

Глава 8

27 июня наши два выпускных класса собрались в последний раз в школе, чтобы отметить наше расставание с учителями и встретить жизнь с её задачами и проблемами. Присутствовали в начале вечера и ряд родителей, в том числе, и моя мама. После торжественной речи директора мы получили аттестаты зрелости. Потом появились импровизированные столы, стулья в актовом зале сдвинулись по сторонам и появилась великолепная танцевальная площадка.

Староста нашего класса поздравил учителей с окончанием забот о нас, поблагодарил их от всех учеников нашего выпуска и поднял тост за здоровье преподавательского состава. По этому поводу мы выпили по фужеру «Советского Шампанского».

Застолье шло попеременно с танцами почти до самого рассвета. Где-то к полуночи родители ушли по домам, после чего открылись тайнички в некоторых кабинетах школы. В них оказались спрятанными несколько бутылок водки, что заметно подогревало интерес парней нашего выпуска к дальнейшей части вечера.

Ряд одноклассников я даже потерял из виду. Правда, потом они нашлись. Кое-кто просто спал за партой в одном из дальних уголков школы, подальше от глаз учителей. Мы их разбудили и отправились всей гурьбой на площадь Революции встречать рассвет в три часа ночи.

Когда наш выпуск пришёл к памятнику Ленина, солнце только-только вставало из-за окрестных домов. По пути некоторых одноклассников, особо приложившихся, тошнило и они шли немного вялыми, но в целом всё же дружно. После наступления рассвета ребята и девочки расселись парами на плитах около постамента и повели долгие разговоры о прошедших школьных годах. У меня же в мечтах возник образ «моей» Ирины и я безнадежно надеялся, что и выпуск двенадцатой школы придёт на площадь Революции. Подходили всё новые группы молодёжи, но знакомых лиц я так и не увидел. Где-то даже заиграла музыка из магнитофона, образовались импровизированные танцплощадки. На моём сердце лежала глубокая грусть о прошлых днях.

Когда появились первые трамваи, наш класс поехал в свой район. Мы доехали до фотомастерской, размещавшейся за рестораном «Уральские самоцветы». Наш класс дождался открытия мастерской, после чего, расположившись в три ряда, мы на память сфотографировались, чтобы после, глядя на фото, вспоминать те далёкие дни, когда только отзвучал последний звонок в нашей школьной поре жизни.

Единственным, что меня поразило, было отсутствие Толика в фотомастерской. Оказывается, после вечера он ушёл к подруге в гости. Вот чего я никак не ожидал от него в тот день. Впрочем, это являлось его правом.

Глава 9

Прошёл ещё один месяц. Я начал готовиться к экзаменам в медицинский институт на педиатрический факультет, если это можно было назвать подготовкой.

Дело в том, что в это время в Москве шли Олимпийские Игры и целыми днями моё внимание приковывалось к голубому экрану. Я с удовольствием смотрел все соревнования. Когда Олимпиада окончилась, до первого экзамена оставалось три дня. Однако, поднажав, я одолел всю серию из четырёх экзаменов на одни «четвёрки», чего достаточно хватило.

Хочу добавить, что время Олимпиады было омрачено ушедшим на взлёте 25 июля 1980 года поэтом с большой буквы – Владимиром Семеновичем Высоцким. Его многие из простых граждан боготворили. У моего дяди Василия были многие его записи на катушках для магнитофона.

По окончании вступительных экзаменов мы, абитуриенты, отправились на уборку картофеля в Красноармейский район. Там мы поселились в двух бараках, где ночевали, порой мёрзли. Днём же вкалывали, как «папы Карло» на полях. В конце недели организовывались дискотеки, где мы вкладывали все оставшиеся после поля силы. Как-то у нас в гостях был «сам» Макаревич, которого студенческий коллектив поголовно уважал.

Так как я считался неким Дон Жуаном, то влечение к сверстницам меня не покидало никогда. Порой оно доходило до абсурда в полном смысле этого слова. Кому только в то время я не делал предложений, получая каждый раз вежливый отказ с лёгкой улыбкой на губах от той или иной особы нашей студенческой братии. Эти факты вызывали порой безобидные смешки со стороны моих новых друзей.

Ещё один феномен был в то время у меня. Во мне развилось умение перемножать трёхзначные числа в уме. Так что, я мог спокойно умножить 127 на 943 и получить в итоге 119761. Мои товарищи не успевали перемножать даже на бумаге, благодаря чему я выиграл много пари на эту тему.

Группа наша состояла из пяти парней и десяти девушек. Что было обычным явлением в медицинских вузах СССР. Я занимался подсчётом убранных соток и, может, благодаря этому факту наш коллектив опередил всех на три дня. На другой день после нашего отъезда с поля в Челябинск выпал первый снег и наша группа долго меня за это благодарила, чему я был несказанно рад.

По возвращении в областной центр я поехал в гости к Ирине узнать, как она сейчас живёт. К моему огорчению, Ира Мартынова поехала в другой город и поступила в торговый институт.

После полученного известия мною овладела полнейшая апатия безнадежной жизни. Учёба пошла вкривь и вкось. Всё пришло к тому, что я оставил институт уже на первой сессии ввиду полнейшей неуспеваемости почти по всем предметам. Более всего меня доконала латынь с её падежами и склонениями, которые пыталась в меня вдолбить «наша» Алиса, учитель со строгим нравом.

Бросив учёбу, ваш покорный слуга пошёл работать в НИИОГР, институт геологических разработок угля и различных минералов. В то время я много шлифовал себе камней, в том числе и яшму, перетаскав их домой. Благодаря им, в один из дней у меня разбилась радиола, когда на неё свалился лабораторный булыжник.

В лаборатории у меня появился новый приятель Саша, который в то время заканчивал заочно в Свердловске (ныне – Екатеринбург) университет на философском факультете. Впоследствии он вёл семинары в ЧИМЭСХ, но об этом потом. Мы с ним играли в шахматы, слушали катушки с записями Высоцкого.

Толик в это время учился на первом курсе в ЧПИ (ныне – ЮурГУ) на вечернем отделении. Тогда несколько моих товарищей по школе учились в ЧПИ. Валера Кузьмичёв поступил в институт физкультуры. Ещё бы он туда не поступил со своими физическими данными.

В классе Валера считался сильнейшим во всех видах спорта: от баскетбола до гимнастики. Сначала в инфизкульт собирался и Толик, но не прошёл при сдаче спортивных норм в лёгкой атлетике, сказались курение, да и мышцы подвели при беге (ногу свела судорога на дистанции 1000 м).

В ЧПИ пошёл и Володя Пономарёв, при этом они вдвоём учились на одном потоке. Со временем Володя женился на однокласснице Ирине Солдатовой и, в конце концов, забросил учёбу. На однокласснице Свете Соболевой женился и другой Валера по фамилии Романов; правда, он был хулиган, каких трудно отыскать. Однако семья, похоже, его исправила и у них сейчас двое детей.

Мы часто встречались с Толиком в кругу друзей, которыми он обзавёлся в институте. Вечерами местом встречи нашей компании была лаборатория в подвале лабораторного корпуса ЧПИ, которую ласково величали «биндюжка». Порой мы засиживались в ней до двух часов ночи и добирались после домой на такси. У нас всегда была готова канистра пива и кое-что покрепче.

Мы организовывали турниры по шахматам с часами, резались в карты («покер», «преферанс». «тыщу» и так далее, но без денежных ставок). Просто в случае проигрыша совершали «полёты на Марс». Это когда кого-то ставят в положение наклона, ноги на ширине плеч и по заднему месту шлёпают слегка табуреткой. Проигравший обыкновенно «пролетал» по комнате метра три. При этом все дружно смеялись, подтрунивая друг над другом.

Наши встречи происходили обычно по пятницам-субботам. Я приходил в «биндюжку» даже тогда, когда учился в ЧИМЭСХ, в который поступил летом 1981 года. В «биндюжке» работал Ринат Мулахметов, с которым я поддерживал отношения до последнего времени, также как и с Толиком.

Глава 10

В последний месяц лета 1981 года я подал документы в приёмную комиссию сельскохозяйственного института на факультет электрификации.

Серия вступительных прошла на удивление легко. Два экзамена даже сдал на «пять», остальные два – на «четыре».

Если в мединституте мы «отрабатывали» на картофельном поле, то на сей раз местом отработки стал цех производства шлакоблоков на заводе железобетонных конструкций около кинотеатра «Орлёнок» в Металлургическом районе. Там мы вкалывали в течение месяца то в первую смену, то – во вторую. После работы возвращался весь запыленный в душевую, там, как мог, приводил себя в порядок, после чего отправлялся через весь город к себе домой. Дорога занимала часа полтора-два.

Процесс работы заключался в следующем. Через верхний бункер бетономешалки поступал цемент, а из короба, стоявшего рядом, я вручную бросал песок лопатой в горловину машины. Потом эта смесь крутилась в мешалке. По ходу вращения вала машины я добавлял в раствор посредством вентиля необходимое для процесса количество воды. Спустя десять-пятнадцать минут полученная масса через нижний люк поступала через формообразователь на поддон, стоявший внизу. В течение смены поддоны не раз менялись. Иногда, впрочем, по неопытности получался у меня и брак. Для такого неопытного работника, как я, это сходило с рук, но не всегда. Мастер махал кулаком, смачно матерясь в мой адрес. Правда, постепенно отходил этот гнев и мы в перерыве спокойно курили, сидя где-нибудь на лавочке.

Самым трудным являлась сдача смены. Необходимо было вычищать бетономешалку. Приходилось кувалдой обстукивать стенки машины от остатков раствора. Первое время на очистку у меня уходило около часа. Однако к концу практики сдача смены составляла немногим более двадцати минут. Может, из меня и вышел бы хороший бетономешальщик, но об этом мне не судить. Я же готовил себя к профессии инженера-электрика, хотя впоследствии из меня вышел инженер-механик.

В конце сентября практика закончилась и мы, новоиспечённые студенты, получили двухнедельный отдых перед учёбой.

Я в эти дни пропадал у друзей в «биндюжке». «Биндюжники» были те же, к ним добавился Игорь Калинин. Пиво у нас по-прежнему «лилось» рекой. Иногда случались на этом деле шутки.

Однажды я и Ринат пошли согласно брошенного жребия с канистрой за пивом. Жребий вытягивали с помощью спичек. Кто вытягивал короткие, тот и шёл покупать. Деньги скидывали все вместе.

Так вот приехали мы на трамвае на площадь Павших революционеров. Там много стояло в ту пору пивных ларьков. Заняв очередь, мы отошли в сторонку и закурили.

Тут я заговорил:

– Слушай, Ринат. У меня созрела отличная идея. Давай купим канистру. Потом выпьем литра два. Далее, видишь колонка. Заливаем в канистру необходимое количество воды и возвращаемся обратно в «биндюжку».

– А если догадаются?

– Да ничего не будет. Откуда они узнают. Скажем, пиво было разбавленное, если спросят.

Через полтора часа мы вернулись в «биндюжку». К этому времени в лаборатории было человек пять. Канистра пошла по кругу. Тут Толик, пивший первым, заговорил:

– Мужики, мне кажется, что пиво водой отдаёт.

Я отвечаю, не моргнув глазом:

– И правда отдаёт. Мы по пути пробовали. Накололи черти. Давай, Толик, как-нибудь сходим туда, разберёмся с ларьком.

«Разбираться» мы, конечно, не пошли. Выручил один из «биндюжников» Игорь Калинин. Он куда-то вышел и спустя пять минут перед нами возникли, словно по мановению волшебной палочки, две бутылки белой. Далее я не помню. Видать «ёрш» подействовал, мы ведь с Ринатом настоящее свежее пиво выпили. Смекнул ли Толик, в чём дело, мы с Мулахметовым не узнали. Спустя семь лет я этот случай Толику рассказал, так он смеялся потом минут десять. Всё не мог поверить, что такое произошло на самом деле.

Вскоре начались учебные будни. В группе нашей была лишь одна девушка, остальные – парни. За учёбу взялись с умом многие, в том числе и я. У меня появились новые друзья. С ними сложились не менее приятельские отношения, чем с Толиком и Ринатом.

За одной скамьёй со мной сидел Сергей Вичужанин. С первых дней я его прозвал «Михеичем». Эта кличка потом к нему прилипла, как муха к мёду. Он приехал из села Уйское. По возрасту «Михеич» был моложе меня на год и три месяца. Парень с виду выглядел симпатично; тёмные волосы украшали своей короткой стрижкой лицо. «Растительности» над губами не было совсем, так как Сергей исправно брился утром и вечером. Ростом он не превышал метра шестидесяти четырёх сантиметров, что не портило его характер балагура и весельчака.

Другим товарищем мне являлся Сашка Кашеев, по прозвищу «Кашей», приехавший из Ларино, что рядом с Уйским. Фигурой он вышел коренаст, рост примерно, как у «Михеича», волосы на голове были русого цвета.

Прямой противоположностью Кашееву Сашке являлся другой Сашка, Бесов. Он был довольно высокого роста, тёмноволосый, без усов, но также, как и «Кашей», широк в плечах. Бесов прибыл из соседней, Свердловской области, из Нижнего Тагила, хотя я, может, и ошибаюсь. «Бес» (так его звали) служил. Впрочем, этот факт тоже объединял обоих Сашек. Бесову шёл в ту пору двадцать пятый год, а Кашееву – двадцать третий.

Кстати, «Бес» был старостой нашей группы. «Михеич» обитал в общежитии за рестораном «Уральские пельмени», а Сашки жили в общежитии №4, находившемся на самом верху улицы Энгельса, на пересечении с улицей Курчатова. Притом «Бес» и «Кашей» спали в одной комнате. Третий их сосед по «номеру» приехал из Аргаяша. Звали его Женька Плаксин. Он был среднего роста, со слегка рыжеватыми по цвету волосами. Глаза его всегда много чего выражали. По силе он своим соседям не уступал, хотя и не служил в армии. В довершении всего эта троица любила устраивать дискотеки в общежитии, где сама и обитала. Туда приходили и мы с «Михеичем». Время на танцы обычно приходилось на субботу, на пять вечера. Веселье длилось до полуночи, после чего студенты разбрелись по своим берлогам. Некоторые даже уходили парами. Мы с «Михеичем» обычно находили подруг с тем условием, чтобы

нам было приготовлено «тёплое местечко» под бочком у кого-нибудь из этих «прекрасных половин человечества».

Глава 11

Дисотеки устраивались довольно простым образом. «Бес» выносил свой магнитофон «Маяк» и две колонки. Потом мы впятером устанавливали эту аппаратуру в фойе на четвёртом этаже. Так как, у нас не было цветомузыки, то некоторые лампочки в коридоре мы оставляли включенными. Это делалось для того, чтобы не споткнуться об какую-нибудь колонну и не пропустить кое-какую прелесть мимо себя.

Сначала на танцплощадке находилось несколько человек, в том числе и наша компания. Мы тут же попивали пиво на подоконнике. Постепенно к шести часам приходили остальные завсегдатаи, состоявшие большей частью из девушек. Все они стреляли своими глазками по сторонам, присматривая партнеров на текущий вечер. Иногда чей-нибудь взор останавливался и на мне, а порой и на Толике, появившемся как всегда неожиданно в нашей группе парней.

Вскоре пропадала последняя скромность у танцоров и пары кружились по всему фойе, толкая подчас друг друга. Каждую дискотеку я подыскивал новую партнёршу на вечер, чтобы потом не отпустить её до утра. Правда, и она часто этого желала. Такое проведение субботнего вечера и последующей за ним ночи считалось само собой разумеющимся фактом. Редко кто оставался подневольным, к тому же в то время никакой угрозы СПИДа не существовало в отличие от нынешнего периода. Исключение составляли лишь те немногие лица, которые перебирали через край чего-нибудь крепкого и валились порой на танцах прямо на бетонный пол. Их легонько встряхивали, приподнимали и отводили в принадлежащие невыдержанным гулякам «апартаменты».

Со мной подобный казус случился однажды. Это произошло в конце 1982 года (извините, что забежал вперёд). Мы организовывали вечер в общежитии пединститута, чуть подальше от нашей «четвёртой». В этот вечер «Бес» и «Кашей» унесли магнитофон с колонками на место дискотеки часа в четыре. В их отсутствие я и «Михеич» пришли к ним в «номер», на месте был лишь Женька. Мы чинно расселись и ввиду того, чтобы быть немного смелее на танцах, пустили бутылку «Столичной» по кругу. Так как днём я уже выпил достаточно пива с Толиком, то после очередного, второго, вливания мне пришлось «окосеть». «Михеич» с Женькой, недолго думая, отвели меня в общежитие, где жил Вичужанин. Сейчас не помню, сколько я пролежал в апартаментах «Михеича». Когда же мне удалось очнуться, моему взору открылся полнейший мрак. Нашупав выключатель и включив свет, я поглядел на часы. Было одиннадцать, то есть самый разгар дискотеки. Я дёрнул дверь за ручку, она оказалась закрыта снаружи. Вспомнив, что сегодня танцы в общежитии пединститута, ваш покорный слуга собрался с мыслями, прежде всего. Так как «Михеич» занимался каратэ и качал мускулатуру полторапудовой гирей, то можно было сделать вывод: чтобы попасть на вечер любой ценой, мне требуется поторопиться.

Вскоре мой взор упал на одну из гирь, выглядывавшую из-под кровати. Представляю, какой шум был в общежитии после моих ударов полторапудовой гирей об дверь и, в частности, об замок. Последний долго не выдержал и с «мясом» вылетел в коридор. Путь мой был открыт.

Правда, явившийся Вася из нашей группы меня успокоил левым хуком, после которого я долго приходил в себя. Вася Ольховский работал дворником в свободное от учёбы время в этом общежитии №2. Фигурой своей он выделялся на занятиях физкультурой. В беге ему не было равных, я обычно приходил к финишу вторым. Сам Вася приехал из Кустанайской области Казахстана, хотя в его областном центре был свой сельскохозяйственный институт.

Когда я очухался во второй раз за вечер, мне в голову пришла интересная идея:

– Слушай, Вася! Давай заключим джентльменское соглашение. Я прикрою дверь, пойду и позову «Михеича» с танцев, а он пусть покараулит.

– Нет, что мне делать больше нечего, как эту комнату охранять?

– Да ладно, Вася. Я мигом обернусь. Десяти минут не пройдёт. Я знаю, где найти «Михеича».

Пока он рассуждал на эту тему сам с собой, я потихоньку улизнул на танцы, чтобы не получить второй хук. Первый раз было такое удивление в глазах «Михеича» за то время, которое мы провели вместе, при моменте моего появления в разгар веселья в половине двенадцатого вечера (если точнее выразиться, ночи). Он стоял с раскрытым ртом минут пять, пока, наконец, пришёл в себя. Даже «Бес» со своими соседями не понял, в чём дело, пока я им не объяснил способ своего бегства и появление моё на танцах.

Половину следующего дня ваш писатель посвятил ремонту дверей и установке замка, благо старый ничуть не сломался. Механизм вылетел из дверей из-за того, что она уже не новая и как раз в месте, где крепился замок, проходила глубокая трещина.

Часто мы вспоминала эту ситуацию со смехом. Тем более, я удивлялся тому факту, как мне удалось махать гирей, словно кувалдой. Дело в том, что мне никогда не удавалось до этого вечера поднять эту гирию выше колена. Недаром, наверное, говорят, что «пьяному море по колено».

Глава 12

Учёба моя ближе к зимней сессии на первом курсе шла ни шатко-ни валко. Зачёты я защитил лишь в то время, когда «Михеич» и кое-кто ещё из нашей группы сдали по два экзамена. Без сдачи же зачётов студенты на экзамены не допускались. И тут ваш покорный слуга установил рекорд. В течение пяти дней я сдал все предметы, правда, лишь один на «четыре». После чего за мной закрепилась кличка «автоматчик», прибавившись к прежней – «Золотухин». Говорят, что я смахивал слегка на его героя «Бумбараша» из одноимённого фильма.

Эти «рекорды» я повторял на всех сессиях во время учёбы на дневном отделении, что очень пригодилось впоследствии на заочном. За всё моё обучение в ЧИМЭСХ я «завалил» лишь дважды: первый раз на втором курсе высшую математику у несравненной Остер-Миллер, а вторая осечка у меня вышла на предпоследнем курсе с экономикой в лице Раисы Тихоновны. Та и другая преподавательницы были довольно строги требованиям к успеваемости. Повторная осечка не сулила ничего хорошего. Очередная сдача этих предметов потребовала от меня дополнительных умственных усилий, которые не пропали даром. Более таких случаев, крайне неприятных для студента, в моей практике не отмечалось. Отчасти этому помогали «шпаргалки», отчасти везение при вытягивании билетов.

После окончания первой сессии наша группа по приглашению студенток пединститута отправилась на неделю отдохнуть на базу отдыха «Чайка» на берег озера Чебаркуль, что находилась неподалёку от станции Кисегач.

Всё случилось так неожиданно. Приходим мы на последний экзамен, а у входа в институт висит объявление следующего содержания:

«Дорогие студенты ЧИМЭСХ!
Вы приглашаетесь провести
свободное время на базе
отдыха «Чайка» на озере Чебаркуль.
списки желающих приносите
в каб. 215 главного корпуса
пединститута. Вас ждут
девушки нашего вуза,
чтобы отдохнуть от учёбы
и немного расслабиться».

Студентки ЧГПИ

После экзамена «Бес» составил список желающих из нашей группы. Предварительно «Кашей» сорвал объявление, чтобы не дай бог заявился ещё кто-нибудь. Согласились поехать человек десять.

Путёвки в то время были недорогие и мы их выкупили из расчёта 6 рублей в день. После обеда я и «Михеич» отправились в магазин за вином. Продавался только портвейн «Золотистый». Недолго думая, мы купили ящик вина и с ходу отправились на «электричку». В то время спиртное продавалось свободно и не было никаких очередей. Цены тоже были божеские: по два семьдесят за бутылку при стипендии 40 рублей в месяц на «рыло».

Электropоезд докатил нас до станции Кисегач за полтора часа, потом мы ещё шли по лесу минут пятнадцать и только после этого изнурительного путешествия прибыли на место отдыха: базу отдыха пединститута «Чайка», где нас ожидали с большим нетерпением и с распростёртыми объятиями наши друзья и хозяйки «курорта».

База располагалась на берегу озера, с его западной стороны. На восточной стороне водоёма горели огни города Чебаркуль, а левее по берегу в семистах метрах от базы проглядывали сквозь темень контуры деревни Кисегач, мимо которой каждые пять минут пробегали поезда – как в западном, так и в восточном направлении. На часах было половина пятого.

Постучавшись в одно из помещений, мы спросили:

– Из сельхозинститута кто-нибудь приехал?

– Во-первых, здравствуйте, – ответили какая-то особа. – Во-вторых, у нас «сухой» закон. В-третьих, ваши коллеги давно вас заждались на втором этаже вон того домика (рука неизвестной особы махнула на соседнее здание).

– Гран-мерси! – ответил «Михеич» и мы с ним пошли к своим товарищам в домик, предоставленный нам с любезностью той особой, с которой только что произошёл «ласковый» разговор. Я на неё нисколько не обиделся, так как понимал её состояние. Ведь было ясно, что никакие эксцессы не нужны нашим ровесницам из пединститута, да и мы не хотели ничего такого. Зачем портить настроение тем, кто нас пригласил и, может, пригласит когда-нибудь ещё в другой раз.

В этот вечер было решено организовать дансинг в отапливаемом помещении базовой столовой. Места там вполне хватало для того количества молодёжи, которая собралась провести на базе пять дней. Из нашей компании сразу же выдвинулся на роль диск-жокея Бесов Александр. Увидев такого шоу-мэна, студентки пединститута в один голос воскликнули на всю столовую: «О-о-о!»

«Михеич» принёс сумку со спиртным, оставив предварительно в нашей спальне бутылок десять, которыегодились бы нам потом.

Постепенно обстановка разряжалась, шло раскрепощение и вскоре мы уже чувствовали себя единой семьёй, коллективом единомышленников, связанным одной целью. Появилась «наша особа» в шикарной юбочке из джинсовой ткани, блузке «а-ля Зайцев» и туфлях на высоких каблучках. За протекшее время она завила свои кудри, припудрилась, прирумянилась и выглядела довольно симпатично. В росте девушка соперничала с «Михеичем» и именно он привлёк всё её внимание в тот момент, когда она зашла в зал.

Девушка подошла к нам и представилась:

– Извините меня за тот небольшой эпизод. У меня было испорчено настроение из-за моей подружки. Кстати, меня зовут Катей.

– Очень приятно, – сказал Сергей. – Меня величают, кстати, Сергеем, его – Игорем (он показал в мою сторону неопределённым жестом, говорящим недвусмысленно, что в этот вечер и эту ночь Катя принадлежит только «Михеичу»).

– Не стану спрашивать, где вы учитесь. Хотелось бы с вами поближе познакомиться.

– Охотно, тоже об этом мечтал. Вот сейчас заиграет музыка, мы и обсудим этот вариант, предложенный вами. О, кэй?

Словно по мановению палочки волшебного дирижёра заиграла нежная спокойная мелодия венского вальса. Интересно, где откопал её «Бес». И моментально закружились парочки. Так как помещение было слишком мало для такого танца, происходили иногда столкновения, сопровождающиеся смехом и улыбками обеих сторон.

После этого вальса без всякой паузы заиграла музыка в исполнении ансамбля «Бони М», что вызвало ещё один вздох восхищения женского общества. Энергия выплёскивала наружу из каждого танцора. Мы все работали, как перпетуум мобиле, безудержно и дико взмахивали руками и частично ногами.

Вся эта вакханалия длилась в течение добрых сорока минут, после чего диск-жокей выключил магнитофон и объявил всем собравшимся:

– Дамы и господа! Минуточку внимания! Сейчас мы пройдем в соседний зал, который расположен по другую сторону от кухни. Там накрыт «феноменальный» стол для нашей честной компании. «Михеич», трави пушнину на стол!

«Дамы и господа» дружно зааплодировали шоу-мэну за такое сообщение, а Сергей взял свою авоську с ёмкостями и отправился в соседнее помещение впереди всей честной компании. Этот зал был меньше того, где мы устроили дансинг, но выглядел вполне уютно и в современном стиле. Посредине его стояли четыре составленных вместе стола, на которых разместились всевозможная снедь: от рыбных консервов и томатов в собственном соку до дымящихся пельменей. На десерт всех ждал торт «Птичье молоко».

Теперь же усилиями «Михеича» на столах появилась партия бутылок «Розового», а также необходимое количество стаканов и бокалов. После оказалось, что «Розовый» портвейн припасли девушки из пединститута, а наш «Золотистый» оставили на другие дни отдыха.

Сергей только успел украсить, как положено, столы, как в зал вошли первые посетители. «Бес» приволок с «электрички» ещё канистру пива «Колос» ёмкостью двадцать литров. Следовательно, всё стало в полном ажуре.

«Дамы» расселись вперемежку с «господами» и был поднят первый тост за очаровательных женщин этого гостеприимного стола. Затем последовал ещё целый ряд великолепных тостов, после чего диск-жокей выгнал всех на танцплощадку.

Оргия закончилась где-то в первом часу ночи, когда всё уже было съедено и выпито. Парочки постепенно исчезали, никого не предупреждая об этом. Мне во время вечера приглянулась одна подружка по имени Галя. В течение всей программы дансинга мы с ней о многом переговорили. И вот, когда пришло время расходиться, я ей предложил пойти куда-нибудь, хотя бы на берег озера.

Мы вышли и спустились к замерзшему водоёму. Огни Чебаркуля потухли. Стояла тихая звёздная ночь. Вначале я рассматривал Галю со стороны. Чёлка выбилась у неё из-под шапки и слегка растрепалась. Глаза собеседницы смотрели прямо перед собою на противоположный берег, пытаясь разглядеть что-нибудь вдали. Невдалеке простучал по рельсам очередной товарный состав. Молчание первым прервал я.

- Галя, позволь я поправлю у тебя волосы?
- Игорь, я тебе нравлюсь, если честно?
- Конечно. Впервые встретил такую красавицу, как ты.
- Ну и шутник же ты!
- Да нет, правда. До сих пор я не встречал никого, чтобы был кто-то похож на тебя.
- Неужели?

Я наклонился, так как Галя была мне чуть выше плеча, и сделал попытку поправить её русые волосы. Подружка неожиданно обвила мою шею своими ручками и прильнула своими губками к моим. Я слегка её отстранил и сказал:

- Пошли куда-нибудь: либо – ко мне, либо – к тебе.
- Пошли, но я не одна. У меня, наверное, подружка в комнате сидит.
- Сомневаюсь, что сидит. Наверняка к ней кто-то пришёл и она находится в горизонтальном положении. Так что, одно другому не мешает, поверь моему опыту в этих делах.

Закончив этот диалог, мы отправились вверх по склону к одному из домиков, где обитали девушки.

Галина открыла одну из дверей и повела меня через освещённый одной лишь луной коридор. Пройдя ошупью шагов десять, мы остановились. Галя шепнула мне, чтобы я подождал, а сама юркнула в одну из комнат. Спустя минуту девушка выглянула и поманила меня к себе рукой. Я не заставил её долго ждать и тихо прошмыгнул внутрь, осторожно притворив за собой дверь.

В комнате некоторые кровати пустовали, обитатели их где-то ходили, также как и мы перед приходом сюда. Галина подвинула ширмы и отгородила своё ложе от соседних, после чего зажгла ночник. Потом я достал оставшиеся полбутылки вина из шубы (вино я втихаря унёс из столовой) и разлил жидкость в стаканы.

– За тебя, радость моя.

– За тебя.

– Как у тебя здесь хорошо, словно в отдельном номере отеля «Англетер».

– Стараемся. Чем мы хуже других, милый?

После этих фраз Галя сняла покрывало с кровати и откинула одеяло. Я постепенно разделся, неторопливо потягивая при этом сигарету «Космос». Галя смотрела на мои движения, ни на секунду не отвлекаясь.

Когда процесс моего раздевания окончился, мы поменялись как бы ролями. Теперь я созерцал плавные движения моей подруги, продолжая затягиваться сигаретой. Галя посылала мне томные улыбки, полные нежности и любви.

Спустя десять минут мы уже лежали на одном ложе. Я слегка приподнялся на руках и прильнул губами к её лицу. Сначала мои губы целовали её лоб, затем глаза, нос, подбородок и, наконец, дошли до спелых пылающих губ. Галя тяжело задыхалась. В поцелуе наши языки касались своими кончиками друг друга, вызывая полнейший экстаз, как у меня, так и у Гали. Тяжёлое дыхание моей подруги было видно по её вздымающейся груди, совершающей частые движения вверх-вниз. Потом мы начали совершать плавные слитные движения своими телами. Заработал мой половой отросток. Её груди набухли и стали очень упругими. Глаза, полные наслаждения, были прикрыты, рот тяжело дышал. И вот наступила кульминация акта. Последний толчок и всё окончилось. Я нежно покрыл поцелуями лицо и всё тело Галины, шепча ласковые слова, известные всем влюбленным до нас, но каждый раз звучащие словно впервые. Подружка нежно гладила мои волосы и продолжала желать ласки до тех пор, пока не сомкнула глаз. Всё это время я её ублажал, как мог, за что она меня щедро благодарила, нежно и томно улыбаясь.

Постепенно ваш покорный слуга закрыл свои очи, но всю ночь даже во сне мы лежали, обнявшись, как пылкие любовники. Мы ими и были в эту волшебную лунную ночь начала февраля.

Глава 13

Наступил предпоследний день нашего отдыха на базе «Чайка». Утром мы, как всегда, пришли в столовую на завтрак, но в это утро наше внимание привлекло объявление:

«Сегодня в 19—00 в столовой
состоится заседание КВН.
Девушки из пединститута
бросают вызов парням из ЧИМЭСХ»

Позавтракав, ребята нашей группы взяли, как обычно, футбольный мяч со склада спортинвентаря, но игра в этот день не получилась. Голова у всех была занята тем, чтобы такое придумать для КВН. Все ребята выдвигали разнообразные предложения, но они одно за другим отменялись «Бесом». Когда больше предложений не поступило, я вдруг спросил:

– Слушай, Бес. Что ты предлагаешь нам сам?

– У меня есть одна мысль. Не изобразить ли нам сценку на тему песни о пирате, что жил угрюмо в дебрях Амазонки и не верил в любовь?

– А что, пойдёт. А как насчёт другого номера? Говорят, что должно быть минимум два номера.

– Допустим, устроим сцену сдачи экзамена в институте. Как вы на это смотрите?

– Годится. Ну, ты, Бес, гений мысли. Мы бы сроду не додумались. Вопрос на засыпку: кто будет играть роль креола и креолки, а также назови-ка нам всем, Бес, кому достанется роль угрюмого пирата?

– А что, вот ты и сыграешь креола, а на роль креолки пригласи свою Галю. Насчёт экзамена, здесь достаточно двух персонажей: учителя и студента. Пиратом будет Женька.

– Точнее, не учителя, а профессора. Ну, например, Любимова.

– Пусть будет так. Профессором будет Женька, а ещё лучше Вася. Как, Вася, согласен? Если молчишь, то значит согласен. Студентом пусть станет Сашка Кашеев. Я буду капитаном команды КВН. Буду петь вместе с «Михеичем» песню «Раскрытые двери». О, кэй?

– Не совсем. Почему это я буду играть роль пирата и роль профессора? – сказал резко Женька.

– Ладно, роль пирата я возьму на себя.

С предложениями «Беса» все согласились и решили провести репетицию. Я ушёл за Галиной, остальные отправились на место будущего соревнования, то есть в столовую. Женьку оставили временно у дверей, чтобы не допускал команду-соперницу даже близко. Впрочем, никаких попыток приблизиться к нам со стороны девушек и не было. Дело в том, что команда соперниц подготовила свой номер ещё в городе и её участницы повторяли монологи и диалоги прямо в своих спальнях. Когда я пришёл за Галиной, то чуть не получил удар кулаком прямо в глаз за так называемые «шпионские действия», которые я и не думал предпринимать.

Правда, когда я объяснил суть своего прихода, все девчата успокоились. Галя сразу пошла мне навстречу. По пути в столовую я её предупредил, чтобы она никому не проболталась из своих подружек. В противном случае, наша команда откажется от участия в КВН, а я откажусь от неё самой раз и навсегда. Галина всё это поняла и согласилась с моим требованием.

Весь день, кроме обеда, ушёл у нас на подготовку. «Бес» никого не щадил и к началу конкурса все вроде подготовились. Только после этого наш капитан дал нам полчаса отдыха, хотя какой там к чертям отдых. Мы и так понимали, что нужно выступить с блеском и не ударить в грязь лицом.

И вот наступил тот час, которого мы целый день ждали с одной стороны, а с другой желали, чтобы он дольше не приходил. Как положено, две команды выстроились друг против друга. Далее капитаны обеих команд поприветствовали зрителей и соперников. Словом, все были готовы к соревнованию. По жребию первыми должны были выступить девушки.

Их номер состоял из следующей миниатюры. В ателье пришла заказчица с целью сшить себе платье. Во время всей сцены посетительница делала примёрку, пытаясь указать, где что подогнать. При этом она натурально раздевалась и одевалась, оставаясь порой в одной комбинации. Портниха всеми средствами мешала ей в этом деле. В итоге они «разругались» и заказчица ушла ни с чем.

Пришла наша очередь показать сцену экзамена. Она заключалась в следующем. «Студент» Кашеев приходит в «кабинет» и тянет билет на столе «профессора» Ольховского Василия. Потом «студент» -незнайка пытается запутать «профессора», всем видом показывая своё старание, но, с другой стороны, полное отсутствие знаний. «Профессор делает вид, что будто соглашается с ответами «студента». Правда, ставит с улыбкой «неуд» в своей ведомости и приглашает оппонента на пересдачу как-нибудь в другой раз. Бедный «студент» выходит из «кабинета» и посылает «профессора» ко всем чертям.

Другой номер заключался в музыкальном исполнении какой-нибудь песни, но с юмористическим содержанием. Соперницы спели частушки на деревенскую тему. Одна из них надела кожаную кепку с цветочком, рубаху-косоворотку и «хромовые» сапоги, изображая ухаля-молодца. Мы аплодировали этому номеру минут пять.

Как только наступила тишина, запели «Бес» и «Михеич» под аккомпанемент Серegiной гитары:

Раскрытые двери на «пи-пополам»,
В дверях интегралы стояли,
Студент не сумел производную взять,
За что ему строго сказали:
«Сумей доказать теорему Коши,
Декан ведь тобой недоволен.
А если не сможешь её доказать,
Из вуза ты будешь уволен».
Дрожащей рукой потянул он билет,
В глазах у него помутилось.
На миг он увидел икс, игрек и зет.
Упал... Сердце больше не билось.
К нему подбежали с холодной водой,
Друзья его рядом застыли.
Декан обещал три стипендии дать,
Но поздно... Уж пятки остыли.
Всю ночь в деканате покойник лежал,
В штаны Пифагора одетый.
В зубах он зачётную книжку держал,
Единственной тройкой согретый.
Напрасно старушка ждёт сына домой,
Наука без жертв не бывает,
А синуса график волна за волной
По оси абсцисс убегает.
Марксизм-ленинизм своё слово сказал:
«Материя не исчезает».
Загнётся студент, на могиле его

Огромный лопух вырастает.

Вопли восхищения стояли минут пятнадцать. Девушки наперебой просили переписать слова песни. «Бес» не знал, с кого начать, так как у него глаза по сторонам «разбегались». Со всех сторон его осаждали девчата.

Выручил Сашку ведущий вечера, местный заведующий складом Пётр Фомич. Он объявил последний номер девчат «Домашнюю заготовку». Сейчас не помню, что у них было за выступление, но одно мне не забыть: оно нам, парням, очень понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.